

За рубежом, 1997 - 7-13 марта - с. 14

Фредерик МЮССО

«ПАРИ-МАТЧ», ПАРИЖ.

РОЗАЛИ, Анушка и Ален-Фабиан — вот аудитория, перед которой Ален Делон играет свою любимую роль — роль отца семейства.

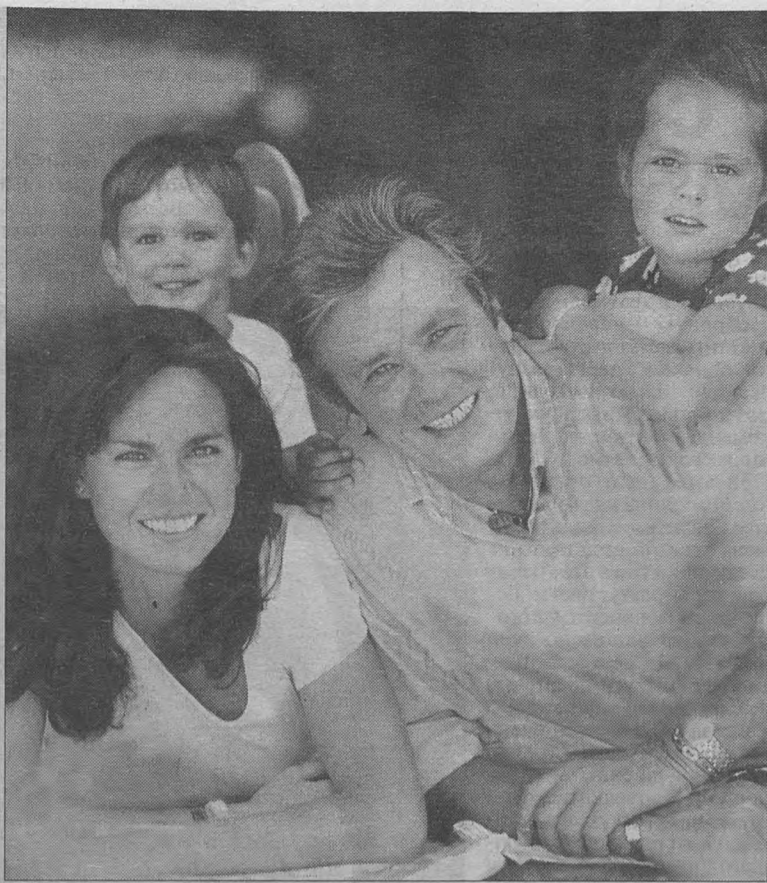
Знаменитый актер приехал с семьей на уик-энд к другу, нормандскому коннозаводчику. С женой, Ален-Фабианом (2 года 4 месяца) и Анушкой (5 с половиной лет) он с наслаждением проживает краткие мгновения тихого семейного счастья. Всемирная слава нисколько не мешает ему сознавать, что главное в жизни — дети и любовь.

Играя с сыном, папа сам превращается в ребенка. Счастливые родители наблюдают за чистыми детскими радостями. «Я немножко сумасшедший отец!» — с гордо-

ший мне много счастливых минут. Он брал меня с собой в дальние поездки на старенькой машине по деревенским дорогам в окрестностях Эперне. От этого времени у меня остались самые радужные воспоминания. И я счастлив вдвойне, что Анушка переживает сейчас нечто подобное.

— *Вы не боитесь показаться отцом, слишком балующим своих детей?*

— Вот уж чего нет, того нет. Я не балую детей. Просто я, наверное, немножко сумасшедший отец... Понимаете, я открыл для себя счастье отцовства в 55 лет. В возрасте, когда уже не надо столько сил и нервов отдавать карьере. Ты уже состоялся и начинаешь замечать, что в жизни есть более важные вещи. Рядом с детьми и женой я научился понимать настоящие ценности жизни. Если раньше я был эгоистом для себя, то те-

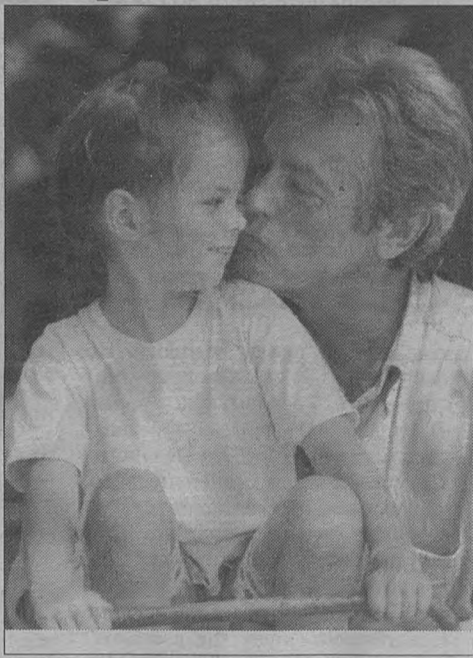
Ален Делон: ЛЮБИМАЯ РОЛЬ — БЫТЬ ОТЦОМ

стью говорит Делон. Царство нежности и любви он построил с Розали между двумя своими домами в Души и Женеве. «Когда я уезжаю на работу, — продолжает он, — меня не покидает чувство, что меня за что-то наказали. С рождения Анушки и Ален-Фабиана не было ни единого вечера, чтобы Розали сама не уложила их спать, и ни одного утра, чтобы она сама их не разбудила. У нас нет няни. Мы считаем особым шиком и находим удовольствие в добровольном отказе от того, на что у меня вполне хватает средств».

Для роли счастливого отца Делону не нужны репетиции. И дочку свою Анушку он целует совсем не по-киношному. Как, впрочем, и Розали целует маленького Ален-Фабиана. Картинки безоблачного счастья, дорожке которого у актера теперь нет ничего на свете. Этому человеку, познавшему все радости, которые способна подарить жизнь мировой звезды, уже давно ничего и никому не нужно доказывать, в том числе и самому себе. Делону не занимать решительности (о своем возвращении в театр он говорил: «Или я с треском провалюсь, или буду иметь бешеный успех!»), и когда он уверяет, что Анушка и Ален-Фабиан стоят для него всех «Оскаров» в мире, значит, так оно и есть. Обо всем этом его короткое интервью.

— *Делон и тихое семейное счастье... Делон и отпуск в кругу домашних... Звучит не слишком-то привычно...*

— Я никогда не беру отпуск, но стоит мне открыть дверь своего дома в Души или в Женеве, как все, что осталось за порогом, перестает для меня существовать. Я ставлю на пол дорожную сумку. И все! Только что мы вместе с Розали и детьми провели воскресные дни у одного из моих лучших друзей, которого Анушка называет «дядя Морис», хотя между нами нет никаких родственных связей. Три дня настоящего счастья, счастья без мобильного телефона, этой адской машинки, которой я пользуюсь лишь для того, чтобы звонить самому. Три дня неги. Причем меня не покидало чувство, что все повторяется. Когда мне было 10 лет, у меня тоже был свой «дядя Морис», человек, доставив-

перь стал эгоистом для них. Все это мне совершенно очевидно. Странно, как я не понимал этого раньше. Когда я с детьми, то полностью выключаюсь из окружающего мира. Мир — это театр, комедия «дель арте». Да, конечно, есть голод и войны... Я считаю, что все это лишь свидетельство неостановимого хода к безумию. Люди разучились жить друг с другом. Наступает конец века, конец тысячелетия, а в мире царят СПИД и ужас. Мой друг Жан Ко говорил мне: «Старина, нас тянет на дно! Мир разваливается на куски». Жан очень тонко чувствовал такие вещи и как никто умел о них говорить. Театр! Вспомните Олимпийские игры, разбившийся «Боинг» и бомбу в Атлантике. Не случись все это на Олимпийских играх, об этом почти не говорили бы. После гибели «Боинга» Мишель Онорэн, выступая на канале «Франс-2», сказал: «На телевидении тоже объявлен траур. Программы прервали свою работу. Кроме рекламы...» Убежден, чтобы произнести эту маленькую фразу, человеку потребовалось громадное мужество. «Кроме рек-

ламы...» Разве это не театр? Слишком ясное понимание происходящего рождает во мне стремление убежать подальше от этого разваливающегося на куски мира. После нас хоть потоп... Можно назвать это состояние разочарованием, но в нем нет скорби. Я в некотором роде сознательно обрекаю себя на эгоизм. Конечно, дети об этом не знают. Они невинны и счастливы. Вы сажаете их за обеденный стол, а они, стоит им утолить первый голод, уже говорят: «Пойдем играть!» С какой стати я должен омрачать их жизнь? Настанет день, и они превратятся в противных взрослых типов, как вы или я. Когда я смотрю на гурьбой выбегающих из школы детей, то всегда думаю: «Скоро они станут дураками. Будут лезть из кожи вон ради карьеры, предавать друзей и портить себе жизнь. Почему же нельзя остановить их сегодня, пока они такие славные?»

— *К вашему отцовскому счастью добавляется еще и радость быть дедом. Ведь у Энтони тоже родилась дочка Лу...*

— Конечно, это одна из составных частей моего счастья. Думаю, на сына это событие подействует благотворно, если, конечно, он сумеет осознать, как трудно быть отцом. Я искренне на это надеюсь, когда-то ведь надо образумиться и стать отцом семейства.

— *Широко известна ваша любовь к боксу, вы сами занимались им и даже организовывали турниры. Не боитесь, что в жизни у вас случится то, что в боксе принято называть «лишним боем»?*

— «Лишний бой!» Я видел его последствия в Атлантике, когда Кассиус Клей зажигал олимпийский огонь. Я плакал, глядя на великого боксера, сотрясаемого старческой дрожью. Знаю, что у него болезнь Паркинсона. Но я убежден, что в его жизни был тот самый «лишний бой». В 1960 году во время съемок в ленте «Рокки и его братья» я по-настоящему занимался боксом с тренером-профессионалом. Как раз тогда Кассиус Клей — а для меня он навсегда останется Кассиусом Клеем, потому что я никогда не буду называть его Мухаммедом Али, — выиграл олимпийское золото в тяжелом весе. С тех самых пор я ни на минуту не упускал его из виду... Нет, не думаю, что я попадусь в ловушку «лишнего боя». Если пьеса, в которой я сейчас играю в театре, будет долго иметь успех, возможно, я вернусь к ней через несколько лет. Но ни в какой другой играть не буду.

— *Как бы вы определили свое нынешнее душевное состояние?*

— Я чувствую себя счастливым. Плюс к тому у меня сильное желание что-то предпринимать, действовать, творить. Я и сам не знаю, на что я еще способен. Обычно, отработав лет сорок, люди уходят на заслуженный отдых. Я тоже отдал своей профессии сорок лет, но на пенсию пока не собираюсь. Я отдал ей все, что имел. Знал величайших людей нашего времени. Сделал все, что было в моих силах. Не думаю, что меня ждут еще какие-то новые высоты в кинематографе, но и опускаться с достигнутого уровня мне не хочется. Поэтому я оставляю за собой право заниматься другими вещами. Надеюсь, меня поймут.